

Тропинка к сердцу

Как-то уж так получалось, что писать мне приходилось о книгах, авторов которых я знала только по содержанию их книг. Мне это даже нравилось — сравнивать потом «своего» человека с настоящим. И главное — «критическая» совесть была абсолютно спокойна. Валию Слядневу я увидела раньше, чем ее стихи. Потом я услышала ее стихи в авторском исполнении. Это было на вечере встречи с рабочими завода «Красный металлист». Вот почему я, честно говоря, боялась читать стихи Вали, ее первую книжечку, вышедшую недавно («Тропинка в солнце», Ставропольское книжное издательство, 1970 г.): вдруг не найду в ней того, что так растревожило нас обеих однажды. А тут еще пришло настроение, когда ничто уже, кажется, в поэзии не трогает, кроме японских хокку. Стихи Вали Сляднейвой, напечатанные в газетах, мне не понравились.

И вот тоненькая книжечка в сорок страничек прочитана. Я помню цитаты из Белинского: «Определение степени эстетического достоинства произведения должно быть первым делом критики», из Писарева: «Лириками имеют право быть только первоклассные гении», помню многие умные мысли из современных критических статей, помню свои собственные высказанные и не высказанные суждения о критике, поэзии, искусстве вообще, но никак не могу отделаться от ощущения, что сидит у тебя на ладошке крохотный, желтенький, пушистенький такой цыпленочек, смотрит на тебя черным глазком — что хочешь, то и делай с ним. Хотели или не хотели его появления, нужно оно или не нужно, но он вылупился — и все тут.

Что тронуло меня в первой книге Валентины Сляднейвой? Наверное, то, что обычно трогает всех при встрече со своей юностью. Потому что маленькая книжечка поведала о том, как жила-была на свете девочка. Жила она в деревне. Поэтому так рано пришла к ней влюбленность, влюбленность в волшебный мир природы:

Встану утром рано-рано,
Когда звезды в небе гаснут.
В серой бурке из тумана
Побреду по сонным травам
Очарованным подпаском.
(«Утро»)

А однажды —

Белыми бескрайними садами
Показались улицы ей снежные,
А мальчишки, что сновали мимо,
Ей казались сказочными принцами.
(«Девочка»)

Так сердце впервые узнало иную
влюбленность —

Я не знаю, мой волшебник,
Как тебя увидеть мне.
О тебе земля мне шепчет,
Звезды пишут на волне...
(«Я хочу в твою

страну»)

И Волшебник, услышав эти
заклинания, конечно же, явился. Он
живой, реальный. Хотя бы потому, что ему
нужны... обыкновенные варезжки:

Я свяжу их поскорее
Из цветов и лучиков,
Чтобы красками горели
Самыми лучшими.
.....
Не забуду еще вышить
Двор наш с кленами,
Половодье груш и вишен,
И себя, влюбленную.
(«Варезжки»)

Реальность и сказка —
переплетаются, они еще так несложны, но
очаровательны.

Сердце, узнавшее радость, делится
радостью, стало взрослее, мудрее. Чувства,
что были захлеб, стали спокойнее,
тоньше. Сердце запело иные песни, узнало
иные ритмы. Иною стала любовь к матери:

Я поняла не сразу, —
Какой там в двенадцать разум, —
Что твои слезы, улыбки,

Бессонницы и молитвы,
И все беспокойные сны —
Мы.

.....
Ах, как сложна материя!
А мы-то думали —
Просто.
Просто — снежные простыни,
Просто — готовый ужин,
Просто — опять завьюжило,
Просто — опять растаяло,
Просто —
Мы вырастаем...

(«Матери»)

По-новому, уже вторично, вошла в
сердце природа:

Явился нежданно, непрошено
Из-под земли запорошенной,
Возле тонкой осины
Брызнул зелено-синим.

Это — любовь земная,
Сама почему, не знаю,
Пугаясь апрельской нежности,
Притворилась подснежником...
(«Подснежник»)

А как сложен, оказывается, мир
чувств...

Потерялась я, потерялась
Не в лесу, не в степи зимой —
Потеряться я там не боялась—
Потерялась в себе самой.
(«Потерялась»)

Итак, начинается, наконец, пора
настоящего расставания с детством,
неизбежные приобретения и неизбежные
утраты. Это не только грусть о «тоненьких
косичках», это боязнь износить «детства
сандалии сбитые», боязнь «не найтись»,
первые тревожные нотки в жизненной
мелодии. Такова бесхитростная повесть о
том, как жила-была девочка.
Бесхитростная. И в этом обаяние этой
повести, главное достоинство первой
книги стихов Вали Слядневой. Подкупает
то, что в лучших, искренних стихах нет ри-
совки, желания самовлюбленно обнажить

себя, есть «прислушивание» к себе, жела-
ние понять мир, дар чувствовать его кра-
соту и умение заразить других своей влюб-
ленностью в жизнь.

Книга первая, автор ее человек еще
молодой, жизнь к нему была в основном
приветливой, показала только первые свои
«грустиночки». Новые «открытия» несом-
ненно родят новые песни, раз уже дала
природа человеку дар петь. Первая тропинка к сердцу читателя проложена. Он
многое может простить начинающему поэ-
ту, но раз уж ты решил писать не только в
собственный дневник, то в дальнейшем на
снисходительность не рассчитывай.

Я говорила пока только о том, что в
стихах Вали Слядневой вызывает теплое
чувство, о «душе» ее поэзии, не
анализируя «плоти», а высшая степень
художественности произведения, как
известно, единство содержания и формы,
«души» и «плоти» его. Достижение этого
единства — основная цель, к которой
стремятся люди искусства, но редко кому
из избравших этот тернистый путь удается
достичь желаемого совершенства уже в
самом начале пути. Более того, молодой
автор не всегда умеет сам определить,
удался ли ему его замысел или нет, не
всегда может отобрать для своего первого
сборника лучшее, отказаться от слабого.
Сборник «Тропинка в солнце» и его автор
в этом смысле не являются исключением.

Удивляет, например, выбор первого
и последнего стихотворений («В дорогу»,
«Тропинка в солнце»). Это наименее удач-
ные стихотворения. Они неконкретны,
надуманны, «миражны». Здесь и
«расцветенная лодка зари», «веселый
парус», «иду через радость и горе» и т. д.).
Хуже того, в последнем стихотворении,
давшем название сборнику,— явная
рисовка:

Я у всех на виду
Прямо в солнце иду
Через росы и розы,
Через ливни и грозы.

По той же причине мертвыми
остаются и стихотворения «Жизнь моя»,
«Я иду по земле», «Не устану...».

Есть в сборнике стихи, где «плоть»

убивает «душу», где образы становятся самоцелью:

Звезды — лампочки электрические
В черный потолок вкручены.
(«Ночь июльская»)

Мягкими кудрями белый свет
Бежит по моим плечам.
(«Возвращение»)

В других стихах удачно найденный образ «барахтается» среди беспомощных строк, банальных мыслей, штампов и, в конце концов, тонет (например, в стихотворении «Сандалии»). Трудно не утонуть в омуте хотя бы одних категоричных, «клятвенных» слов «вовек», «везде», «все», «всегда» («не отыскать, не собрать их вовек», «я к сумеркам вовеки не остыну, не разлюблю кипенья трав вовек», «Я всегда тебя помню, постигаю всегда», «на всю степь все ромашки и травы кричат»).

Наряду со штампами, которых автору не удалось избежать («сны трудные», «сны мои крошечные», «сны высокие и чистые», «нетронутая свежесть»), у Вали Слядневой другая крайность — стремление во что бы то ни стало создать новые, свои образы, вплоть до «словотворчества» («молодое небо», «кипенья трав», «роща ветвяная», «песня жаворонка — мои позывные летние», «верность — «шиповника красная голова», «молодость невестится», «солнится», «сентябрь», «солнцевеют весны», «ветер струнный» и т. д.). Стремление само по себе похвальное, но результаты не всегда удачны. В результате — много самодельных образов, этих бумажных цветов жизни. Сплав образа и чувства не получился в стихотворении «Не сердись».

Первая строка вызывает определенное, нужное автору настроение, потому что настроение это выражено предельно просто:

Не сердись, ты старый.
Ах, какой ты старый!

Вторая строчка неудачна:

А тебе ведь только двадцать с
лишним
лет.

Дальше опять просто и понятно:

Ну и я с тобою тоже старше стала,
За окошком вечер гасит синий свет.

В последних двух строках — мешанина из живых и бумажных «цветов».

Мне с тобою холодно, холодно по-
зимнему,

А ведь солнца праздник в августе в
разгаре.

Не сердись, уйду я. Листьями и
ливнями.

Буду с ветром струнным тихо
разговаривать.

Буду я светиться лунною краюхой,
Тополем по осени за селом гореть,
Буду зыбким озером облака
баюкать...

Не сердись, уйду я. Хватит
сентябрь!

Неоднократно В. Сляднева строит стихи по принципу: подлежащее — в конце предложения. («Подснежник», «Где ты пропала», «Я грущу»): только в середине или в конце стихотворения мы узнаем, что пропала — «зеленоглазая почка», что причина грусти —

Беспокойная песня птицы-лебедь —
моя память и любовь
раненая.

Стихотворению «Подснежник» удалось избежать этой ложной заинтригованности, потому уже в первой строфе были прочитаны «позывные» таинственного незнакомца—

Возле тонкой осины
Брызнул зелено-синим.

А настоящее поэтическое открытие — подснежником притворилась любовь земная, «пугаясь апрельской нежности», — уже воспринимается читателем как

собственное открытие. Это и есть поэзия.

Беспомощны и пока еще не очень настойчивы попытки автора вырваться из замкнутого круга «женской» лирики, стихов-настроений в мир больших мыслей, гражданских и общечеловеческих (читатель вправе ожидать их от поэта, вступившего в «лермонтовский возраст»):

А каштан рукой заиндевелой
Поворачивал огромный глобус.
(«Девочка»)

Лежит у меня
Межпланетная
Ваза в кармане.
(«Ночь июльская»)

Россия — это сплетение судеб
В тугие, длинные дороги-косы.
Россия — это свободы вестник,
Это — все время за счастье бой.
(«Россия»)

Итак, в стихах В. Слядневой есть строчки, которые мог написать только поэт, но в целом поэтический уровень сборника не высок.

Наряду с чистым голосом непосредственного чувства (а человеческое чувство всегда интересно и значительно), есть фальшивые нотки, есть попытка петь о том, о чем еще не поется или не поется вообще.

Желая молодому автору овладеть сложным искусством писать стихи, хочется предостеречь: пусть тропинка, выбранная им, осознается, и не только умом, но и душою, не как «тропинка в солнце», а как тропинка к сердцу. И не надо жалеть о сандалиях детства. Нужно уже начинать побаиваться инфантилизма чувств и мыслей.

Мне понятно желание начинающих авторов поскорее заявить о себе: хочется услышать приговор, получить совет. Поэтому, внимательно и необидчиво восприняв критику, не надо болезненно стыдиться своего первого сборника — пробы голоса, а почаще заглядывать в него, чтобы не повториться и не повторять замеченных со стороны просчетов.

Эстетическое чувство воспитывается, мастерство приобретается трудом, «философия» жизни постигается не сразу. Талант оберегают и растят. Чтобы достичь того культурного уровня, который необходим поэту, нужны годы упорнейшего труда. Годы. Вот это-то и предстоит сделать Вале Слядневой, потому что приговор себе она вынесет сама — вторым своим сборником. Он или не состоится (редактор подойдет к нему уже с иною «возрастной» меркою), или будет первым ее сборником. Если, конечно, при этом автору удастся сохранить главное — светлый взгляд, на мир и способность почувствовать себя вдруг расцветшей в лесу фиалкой.

ЛИДИЯ АНОХИНА.

